

Самоед Камешек

Молодая морская свинка Изящный зажмурился, покорно ожидая смертельного удара.

Всё равно в этой клетке его никто не любил. Ни собратья, ни люди. Ни в этом проклятом месте, ни во внешнем мире у него не осталось ни единой родной души.

Но сквозь подступающую темноту вдруг пробились слова Мякиша, трёхцветной морской свинки. Неужели где-то там, на воле, и правда есть люди, для которых питомец — член семьи?

Похоже, узнать это ему уже не суждено. От этой мысли Изящного уколола тихая, щемящая тоска.

Вдруг у самого его уха раздалось яростное, истощное кошачье шипение. Звук ударил по барабанным перепонкам, отдаваясь резкой болью в самой глубине мозга.

Смертоносные когти так и не коснулись его. Напротив, Изящного с силой швырнуло в сторону. Он покатился по полу, глухо ударившись о землю. Боль обожгла рёбра, не давая подняться, но, преодолевая слабость, он распахнул глаза и замер от увиденного.

Упитанный трёхцветный Мякиш мёртвой хваткой вцепился в загривок Злой кошки №1. Хищница взвизгнула, завертелась волчком, прыгая и пытаясь сбросить наездника. Её острые клыки раз за разом щёлкали в опасной близости от незащитного тельца, едва не пробивая шкурку.

Силы Мякиша таяли, он сползал всё ниже. Он отчаянно цеплялся лапками за жёсткую шерсть, когти трещали от дикого напряжения, лапы сводило судорогой. Но даже сквозь пелену боли он упрямо смотрел на Изящного, безмолвно умоляя: «Беги! Скорее беги!»

Кот и мышь — исход этой извечной схватки предreshён заранее. Тут не над чем было раздумывать.

— Мякиш... — хрипло выдавил Изящный, тщетно пытаясь подняться с грязной подстилки.

— Мякиш! Сяо Хуэй, быстрее! Нам нужно быстрее! Держись, Мякиш! — закричал Шигуй, видя, как погибает его товарищ.

Они с Сяо Хуэем вгрызались в деревянную раму с безумным остервенением. Острые щепки кололи нежные десны, рвали губы, и у обоих из уголков рта уже текла тёмная кровь, но они не замечали боли.

Настал предел. Кошка взмыла в воздух и с силой рухнула на спину, надеясь раздавить наглеца.

Зубы Мякиша соскользнули с натянутой, костлявой кошачьей шкуры. Пальцы разжались. Он безвольным комком отлетел в сторону.

Хищница развернулась мгновенно. С утробным рыком она нависла над оглушённым зверьком. Из её пасти, способной целиком заглотить голову свинки, пахло смертью; на длинных клыках запеклась чужая кровь. Секундная вспышка — и челюсти сомкнулись на шее Мякиша.

Хруст.

Мякишу показалось, что он услышал тихий всплеск. Горло обожгло огнём. Мир вокруг замедлился, словно густеющий мёд, и в этой тягучей тишине он отчётливо уловил, как из него уходят последние капли жизни.

С трудом повернув голову, он посмотрел на боковую дверь. Там жёлто-белый Шигуй со своими товарищами отчаянно пытался пробить путь на свободу. Они смотрели на него — маленькие, испуганные, с глазами-бусинками, полными ярости и горьких слёз.

«Моя хозяйка... она совсем ещё кроха. Маленькая человеческая девочка. Она точно будет плакать. Помню, как она огорчалась, когда я утыкался носом в угол и не хотел играть. Кто же теперь утешит её? Я больше не смогу...»

Разъярённая укусом кошка принялась терзать бездыханное тело. Её когти и зубы, точно бритвы, кромсали мягкий животик. Трёхцветная шёрстка окрасилась алым, от разорванной плоти поднимался едва заметный пар.

Мякиша не стало. Он отдал жизнь ради другого — ради брошенной шоколадной морской свинки, которая давно потеряла всякую надежду на спасение.

Он погиб на четвёртый день после того, как Шигуй пообещал вытащить его из этого ада.

В тот день солнце заливало Стекланный дом ярким радужным светом. Мякиш весело махал лапкой из-за решётки и кричал Шигую: «Сяо Шигуй, я буду ждать тебя! Я так давно ушёл из дома, моя малышка, наверное, все глаза проплакала. Скорее бы её увидеть! Она подбежит, обнимет меня и своим тоненьким голоском станет просить прощения за то, что взъерошила мне шёрстку...»

Тогда Шигуй подумал, что хозяйка Мякиша — чудесный, добрый ребёнок. Но теперь Мякиш больше никогда не услышит её голоса.

— Мякиш! — взвыл Шигуй, глядя на окровавленную кошку.

Тварь утащила тело в тёмный угол и принялась за свою страшную трапезу. Морда хищницы покрылась лоснящейся от крови сукровицей, окрасив подбородок в жуткий лаковый цвет.

В этот миг до Шигуя наконец дошёл ужасающий смысл: почему эти тощие, заморённые кошки лоснились так, словно их держали на убой. Это была не здоровая лоснящаяся шерсть. Это была корка из засохшей крови сотен замученных свинок, которая въедалась в их шкуру слой за слоем, день за днём, год за годом.

Изящный перекатился, едва увернувшись от когтей другой хищницы. Его трясло от ужаса и лютой ненависти к монстру с клеймом «1» на лбу. Тот, кто ещё минуту назад послушно ждал смерти, теперь горел диким, яростным желанием жить.

«Мякиш, я спасусь. Обязательно выберусь отсюда, — поклялся свин, давясь слезами, и его обычно скрипучий голос прозвучал на удивление твёрдо. — Я разыщу твою девочку. Я всё ей расскажу».

Хруст-хруст-хруст.

Зубы работали на пределе возможностей. Шигуй рвал дерево и металлическую сетку когтями. Внизу слева наконец-то образовался небольшой проём. Но этого мало! Ничтожно мало! Даже вместе с подкопом Сяо Хуэя лазейка оставалась слишком узкой, чтобы Уголёк могла просунуть лапу и выдрать дверь.

— Сяо Хуэй! — выдохнул Шигуй.

— Я знаю, Шигуй! Знаю! — Серый свин грыз раму с утроенной силой, отплевываясь от щепок, которые уже выросли у его лап в целую горку.

Тем временем в Стеклянном доме разыгрывался настоящий ад.

Воздух содрогался от отчаянного визга, панического свиста и торжествующего кошачьего рыка. Повсюду пахло кровью. Смерть безжалостно собирала свою жатву в этом некогда мирном городке.

Насытившись, Злая кошка №1 вальяжно вернулась к резне. Вторая бестия продолжала загонять уцелевших, а третья уже протискивалась обратно через вентиляционную отдушину. Рядом с Чёрным волком Угольком осталась дежурить лишь Злая кошка №4, сковывая собаку и не давая ей вмешаться.

Уголёк металась у сетки, лая до хрипоты. Её глаза налились кровью. Она то и дело бросалась на вольер, пытаясь отвлечь кошек на себя, перетянуть их злобу, облегчить участь тех несчастных, кто метался внутри.

Три хищницы замерли, наблюдая за паникующей толпой. В их зелёных зрачках горел первобытный, беспощадный азарт. Они синхронно поворачивали головы, отслеживая очередную жертву.

Изувеченный Бутончик лежал в углу, едва дыша. Бежать он больше не мог. Прямо перед его носом приземлился жуткий трофей — тонкая лапка, из которой всё ещё сочилась кровь. Злая кошка №3 с клеймом на разорванном лбу лениво выплюнула её из пасти. Это была предпоследняя лапка Бутончика. Теперь у него осталась всего одна.

Кошка брезгливо фыркнула, пошевелила когтем неподвижный чёрный комочек и, не найдя в вялом теле интереса, потеряла к нему любопытство. Гоняться за живыми было куда веселее. С тихим шипением она умчалась вслед за улепетывающими морскими свинками.

«Мякиш... Шигуй... у меня осталась всего одна лапка, — прошептал Бутончик, преодолевая жгучую муку. — Всего три дня назад их было две. Мякиш уверял, что новый хозяин полюбит меня и таким... Но как теперь? Я ведь даже ходить не могу. Неужели я кому-то нужен?»

Он скорчился, пытаясьлизать страшную рану на месте оторванного сустава, где теперь зияла сочащаяся кровью пустота.

Рядом валялась его собственная лапка, ещё вздрагивая в предсмертных судорогах. На белом обломке кости висели клочья оборванного мяса.

«Я просто хотел... чтобы меня любили. Чтобы не бросали больше, — шептал он, зарываясь поглубже в пахнущее кровью сено. Веки его тяжелели, но он упрямо цеплялся за угасающее сознание. — Ничего. Я дождусь. Мякиш врать не станет. И Шигуй... Шигуй обязательно что-нибудь придумает. Я верю им».

Даже умирая, чёрный малыш ухитрялся слабо улыбаться, и его окровавленная, но всё ещё мягкая шубка казалась невероятно красивой в лучах тускнеющего солнца.

«Шигуй... я жду...» — одними губами прошепестал Бутончик.

Но ад на этом не кончался. Кровавая жатва продолжалась.

Калеки, пострадавшие в прежних кошачьих набегах, теперь без раздумий заслоняли собой здоровых товарищей.

Трёхлапый старец, силясь ободрить дрожащего соседа, ласково сощурился:

— Люди любят здоровых. Если выберешься — сразу найдёшь дом. Беги, глупый, за меня не бойся.

Перед ним стоял Обезьянка — щуплый, невзрачный свин с забавной вытянутой мордочкой. Он не отличался той холёной округлостью, которую так ценили люди, но в его груди билось благородное сердце.

Глотая слёзы, Обезьянка прижался к умирающему другу:

— Сяо Цзюй, я найду человека... Обязательно найду! И сделаю всё, о чём мы мечтали. Я своими глазами увижу этот Парк морских свинок и потом расскажу тебе, какой он прекрасный... Обещаю!

Сяо Цзюй попытался уцелевшими лапками прикрыть разорванный бок, сиюсья сохранить крохи достоинства перед лицом смерти. Но силы оставили его. Лапки безвольно соскользнули, и последний вздох замер на его губах.

Обезьянка уткнулся носом в его остывающую шёрстку, утёр слёзы и, развернувшись, вновь ринулся отвлекать наседающих кошек.

У боковой двери разыгрывалась своя битва. Губы Шигуя и Сяо Хуэя превратились в сплошное кровавое месиво. Мелкие острые щепки глубоко вонзились в распухшую плоть, причиняя невыносимую муку.

Ещё одно усилие. Последний рывок — и нижний край сетки поддастся.

Но стоило им примериться для решающего укуса, как сквозь ячею сетки молнией просунулась когтистая лапа. Острый, как бритва, коготь полоснул Шигуя по мордочке. Белая шёрстка мгновенно окрасилась красным, на щеке взбухла глубокая борозда.

Вскрикнув, Шигуй отшатнулся и прижал лапу к ране. Щёку жгло нестерпимым огнём.

Из образовавшейся щели на них уставились горящие злобой зелёные глаза. Злая кошка, хрипло рыча, пыталась протиснуть башку наружу. Её когтистые лапы бешено молотили воздух, преграждая путь к спасительному замку.

«Что делать? Что же делать?!» — паника ледяным обручем сжала грудь Шигуя. Он готов был броситься на когти, наплевать на раны, лишь бы закончить подкоп.

Каждая упущенная секунда там, за решёткой, стоила кому-то жизни. Свист раненых зверьков, хруст разрываемых сухожилий, предсмертные хрипы — эти звуки плетью подстегивали его разум, сводя с ума от бессилия.

Уголёк не могла бросить свой пост — если бы она ушла, охраняемый ею проход остался бы открытым, и тогда все четыре хищницы навалились бы на беззащитных пленников разом.

И в этот самый миг, когда отчаяние готово было захлестнуть Шигуя с головой, округу разорвал оглушительный, исполненный мощи и грозного величия лай.

— Гав! Гав! Гав!

Шигуй и Сяо Хуэй испуганно обернулись.

Позади них, грозно оскалив пасть, стоял белоснежный, пушистый самоед Камешек. Его царственная осанка, широкая грудь и уверенный, бесстрашный взгляд не оставляли сомнений: пришёл настоящий защитник.

<http://bllate.org/book/18361/1810149>